

Дмитрий ФУРМАН

ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО— ИДЕЯ-ЛОВУШКА

В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ второго распада великого евразийского государства, именовавшегося когда-то Российской империей, а затем СССР, как и в эпоху первого распада (с февраля 1917 года до конца гражданской войны в 1920 году), выходит на поверхность множество национальных (или националистических — грань здесь очень условна) движений. При этом в зависимости от особенностей культуры народа, его исторической памяти и его положения среди других народов эти движения приобретают разную идеологическую и политическую окраску. Ясно, что для эстонцев и латышей с их преимущественно лютеранской культурой, исторической памятью, сконцентрированной на единственном в их истории периоде независимости — межвоенном периоде «буржуазной» республики, и сложной демографической ситуацией, связанной с отсутствием естественного прироста коренного населения и наличием множества русских и «русскоязычных» мигрантов, самоутверждение и независимость их нации значат нечто совсем иное, чем для мусульманских народов Средней Азии с их независимым прошлым средневековых ханств, высоким уровнем рождаемости и отсутствием опасности быть поглощенными в миграционном потоке.

Но при всем широчайшем диапазоне идеологических и политических окрасок разных национальных и националистических движений на территории бывшего СССР один национализм настолько специфичен, что может быть выделен в особый класс и противопоставлен всем прочим. Это русский национализм, уникальность которого связана с уникальностью положения в государстве русского народа. Метаморфозы русского национализма, его парадоксальные превращения, причудливые симбиозы, в которые он вступает с другими идейными течениями, и его специфическая историческая роль, связанная не с усилением, а с ослаблением русских нации и государства, не имеют аналогий в национализме других народов СССР и находят лишь очень слабые аналогии у других народов мира.

Попробуем рассмотреть эту специфическую, парадоксальную логику русского национализма, «саморазрушительный» характер которого с особой силой выявился в последние годы.

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ как мощное устойчивое образование, сформировавшееся в средневековье, до возникновения идеи нации и национального государства, была империей «не совсем национальной».

Несмотря на очевидное доминирование русских и в населении, и в правящих слоях, идеологическая основа империи, источник ее легитимации были не в том, что это государство русского народа, а в том, что это империя династии Романовых. Правящая имперская элита XVIII и даже XIX веков была космополитична, отличалась пестротой нацио-

нального состава. Только в эпоху Николая I, когда проникавшие постепенно с Запада идеи начали в какой-то мере подтачивать старые представления о легитимности, самодержавие стало использовать как дополнительный источник оправдания своего права на власть идею национальной, великорусской природы государства (уваровская формула «православия, самодержавия и народности»).

Постепенно русский национализм начинает оформляться как особое политическое и идеологическое течение, протестующее против европейско-космополитического характера культуры элиты и «не полностью национального» характера государства, отсутствия в нем сознательной и твердой политики покровительства русской нации и ее культуре. Самодержавие использовало «ксенофобский» потенциал национализма в борьбе с основным своим идейным врагом (идущими с Запада прогрессистскими и эгалитаристскими идеологиями) и затем — с сепаратизмом окраин; причем по мере разрушения старых, средневековых идейных опор самодержавия оно эксплуатировало все активнее национализм (Николай II уже нацепляет значок Союза русского народа).

Однако отношения самодержавия и русского национализма развивались далеко не «гладко». При всей своей ксенофобии и отвержении западного парламентаризма национализм — плод нового времени, эпохи демократизации общественной жизни, и сама логика национализма, идеи национально-русского государства противоречит средневековым, династическим основаниям российского самодержавия. Даже утверждая специфически русский характер самодержавной власти, национализм предъявляет к ней определенные требования (самодержавная власть — по «сути» русская, но она должна и соответствовать своей «сути», осознать эту «суть») и потенциально ее ограничивает.

Кроме того, если националистические движения народов, не имевших мощных единых государств, были нацелены на их создание (единой и великой Италии, единой и великой Германии), то у русских уже существовало такое государство (пусть с точки зрения националистов «не достаточно» русское). Поэтому попытка дать ему новое, национальное понимание и обоснование была чревата разрушением его традиционной легитимации и его самого как единого сложившегося образования.

Саморазрушительная логика русского великодержавного национализма давала о себе знать уже до революций XX столетия. Упор на русский национальный характер империи и русификаторская политика власти во второй половине XIX века вызвали цепную реакцию национальных движений окраин, ибо если грузин, остзейский немец, татарин и т. д. могли быть лояльными подданными империи Романовых, то лояльными подданными русской национальной империи они быть не могли. Идея национально-русской государственности вызывала к жизни идеи самостоятельной государственности других наций империи. Империя, таким образом, подтачивалась с двух сторон — национальными движениями завоеванных окраинных народов и национализмом «основного» народа. Русский национализм, все более принимавший по мере усиления центробежных сил в империи болезненные и агрессивные формы, сам был одним из проявлений разрушительных сил, болезней, подрывающих некогда могучий организм великого евразийского государства. Самодержавная власть в какой-то мере чувствовала это (и это прекрасно понимал великий идеолог самодержавия, слишком умный, чтобы быть официально признанным, К. Леонтьев) и наряду с использованием национализма сдерживала и ограничивала его порывы.

В 1917—1918 ГОДАХ Российская империя погибла, распавшись на множество объявивших свою независимость государств, почти по числу населявших страну народов. Россию постигла участь, аналогичная судьбе других распавшихся приблизительно в то же время средневековых империй — австро-венгерской и османской. Но в отличие от этих империй она очень быстро, хотя и в новой форме, восстанавливает свое территориальное единство.

Почему же это стало возможным? В значительной мере потому, что русская революция наносит сокрушительный удар русской великодержавной националистической идеологии.

Если бы каким-то чудом, каким-то поворотом судьбы в гражданской войне в России победили бы белые, практически наверняка великое евразийское государство перестало бы существовать. Ведь белые столкнулись не только с большевиками и большевизированными массами. Они столкнулись и с сопротивлением всех национальных движений. Даже если допустить, что им удалось бы частично восстановить империю, все равно через какое-то, и очень короткое, время они снова имели бы дело с восстаниями окраин. Средневековая «легитимистская» имперская идеология к этому времени уже умерла, а националистическая имперская идеология в XX веке могла привести лишь к недолгой кровавой спазме гитлеровского типа, а не к созданию или воссозданию жизнеспособного многонационального государства. Парадокс русского национализма заключался как раз в том, что его победа означала бы несомненную гибель той Великой России, которую он стремился возродить, а его поражение, полное отвержение победителями националистической идеи, наоборот, привело к восстановлению евразийской империи, Великой России, в новой форме.

Российская империя, как и любая империя, была не только «тюрьмой», но и великим «общезитием» народов, породившим значительные силы «сцепления», «притяжения» — привычку к совместной жизни, чувство культурной общности и общности судеб. Центробежные силы национализма подрывали эту общность, и избежать участи Австро-Венгрии ей помог только страстный и радикальный интернационализм большевиков, идеологически «разоруживший» националистические движения и использовавший мощь этих «сил притяжения». Большевицкие армии прошли через Украину, Армению, Грузию не как русские завоеватели, не как восстановители империи, а как армии того грядущего коммунистического «тысячелетнего царствия», в котором не будет «ни эллина, ни иудея». Мощное многонациональное государство было восстановлено именно потому, что его воссоздатели совершенно искренне не стремились воскресить империю, потому что новое государство даже в названии не сохранило никаких связей со старой империей. СССР — это даже не союз республик, возникших на территории бывшей Российской империи. Это просто союз республик (поскольку они советские и социалистические), возникший в силу исторических обстоятельств на территории бывшей империи, но никак «сущностно» с ней не связанный, зародыш будущей всемирной, всечеловеческой общности. Такое государство не вызывало национального протеста, и даже далекие от коммунистической веры и патриотически настроенные представители национальных меньшинств бывшей империи могли видеть в нем гаранта равноправия и свободного культурного и социального развития своих народов.

В истории различные идеи зачастую выполняли самые противоречащие их непосредственному и первоначальному содержанию роли. Русский национализм, стремящийся к Великой России, не мог этой Великой России не погубить. Интернационализм ее восстановил. Па-

радокс, но даже столь ненавидимые русскими националистами евреи, которых было так много среди большевиков (что вполне естественно, ибо их особенно привлекала хилиастическая идея грядущего братства народов), объективно работали на восстановление в новой форме Российской империи. Но почему же новое государство, по идее, по замыслу бывшее «антиимперией», все же стало восстановленной империей и эта русская и имперская сущность стала с каждым годом проявляться все отчетливее?

Потому что идея всемирной революции и вообще весь комплекс идей большевистской «веры» были утопией. Всемирной революции не получилось, и революционные армии остановились на старых имперских границах. В результате в новом государстве были восстановлены старые имперские этнические соотношения — русский центр и ориентированные на него «инородческие» окраины. Правда, эти инородческие окраины теперь, по идее, равноправные с Россией республики. Но в условиях господства догматической идеологии и жестко централизованной идеологической организации — партии большевиков, федерализм мог быть лишь фикцией, фасадом. Реально базирующееся на догматической идеологии государство могло быть лишь унитарным, жестко централизованным, не допускающим никакой самостоятельности «на местах» и никаких идеологических различий, без чего свободное развитие национальных культур становится фикцией. Но унитарное государство, управляющееся из Москвы, с официальным русским языком (вначале отнюдь не в силу каких-либо русификаторских устремлений, а просто потому, что это естественный язык «межнационального общения»), с доминированием русских и «русскоязычных» в управлении (опять-таки не в силу какой-либо дискриминации, а под действием чисто объективных причин) — это и есть, каковы бы ни были субъективные устремления его создателей, восстановленная Российская империя.

Эта русская и имперская природа возникающего государства была понята (или «почувствована») многими стоящими на националистических позициях русскими интеллектуалами. Вспомним «Белую гвардию» Булгакова, где представление о гражданской войне как о «семейном деле» русских сочетается с полным неприятием автором украинской государственности; вспомним восхваляющие революцию, восстановившую державную мощь России, романы Алексея Толстого; вспомним описанного Львом Разгоном монархиста, встреченного им в советских тюрьмах. Среди разного рода «военспецов» в Красной Армии были и люди, служившие большевикам как восстановителям России и воевавшие бок о бок с большевистскими комиссарами, причем и те, и другие могли с иронией смотреть друг на друга и думать, что они используют другую сторону в своих целях. На самом же деле и над теми, и над другими «иронизировала» история, создававшая «ловушки» и для националистов, и для интернационалистов.

Русский и имперский характер нового государства проявлялся с каждым годом все более отчетливо. Почему это происходит — понятно. Коммунистическая партия превращается из «секты» в государственную и народную «церковь», коммунистическая идеология становится «общенародной». И сотни тысяч и миллионы «новообращенных», принявших новую идеологию пусть искренне, но все же под влиянием бессознательного конформизма совсем иначе, чем ее принимали большевики до революции, не могли не привнести в нее старое содержание, в том числе и восприятие нового государства как продолжения империи и русского народа — как «главного», «старшего брата». Подчинив массы, став монополюбно господствующей, любая идеология всегда в какой-то

мере становится заложницей масс, их сознания. Тонкий верхушечный слой горящих идейным огнем революционеров-интернационалистов, занятых догматическими спорами и самоистреблением, постепенно уступал место в руководстве представителям иного социально-психологического типа — бюрократам-конформистам, стремящимся не к мировой революции, а к стабилизации государства и упрочению в нем своего привилегированного положения. И естественно, что в ходе этих процессов роль преемственности с Российской империей постепенно все более выступает на первый план.

Пик, апогей выхода на поверхность этих идей — позднесталинский период, когда подчеркивание величия именно русского народа становится важнейшим элементом официальной идеологии, когда возникают поразительные слова нашего старого гимна — «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь», когда Красная, затем Советская, многонациональная по составу, Армия начинает мыслиться не столько преемницей революционной армии периода гражданской войны, сколько преемницей армий Кутузова, Дмитрия Донского, Александра Невского. В этот период возрождается множество элементов царистской символики — от золотых погон и слова «Верховный» до возрождения Академии художеств и восстановления патриаршества и фактически официального покровительствуемого характера православной церкви.

Но хотя процесс восстановления русского имперского сознания в послевоенный сталинский период зашел очень далеко, все же даже Сталин не мог довести его до логического конца. Даже Сталин подчинялся общим закономерностям мирового развития, ограничивающим имперские тенденции и объективно, поскольку «откровенная» империя столкнулась бы с невыносимыми трудностями, и субъективно, поскольку, очевидно, в сознании самого Сталина национализм и имперский шовинизм не могли принять «завершенной» формы. Поэтому сталинское государство оставалось очень причудливым, противоречивым и эклектичным образованием. Эта противоречивость проявлялась буквально во всех его аспектах.

В идеологической символике, где имперские и националистические символы никогда не могли окончательно заслонить марксистско-ленинскую интернационалистскую идеологическую основу, Сталин мыслится преемником Ивана Грозного и Петра Первого, любимых царей этой эпохи. Но прежде всего он, конечно, «великий марксист, соратник и преемник Ленина». В нашем гимне «великая Русь» спланивала народы империи «навсегда», но все же спланивала она союз «республик свободных».

В национальной политике сознательная русификация сочетается с такими же сознательными мерами по подъему разных национальных культур. Сокращается число национальных школ, увеличивается время на изучение русского языка в школах за счет национальных языков, но параллельно с этим открываются университеты и академии, где создаются кадры национальной интеллигенции. Прodelывается колоссальная работа по изучению языков, фольклора и т. д. различных населяющих нашу страну народов.

Во внешней политике имперская идеология и интернационализм соседствуют и взаимодействуют самым причудливым образом. При этом имперская идеология не только ведет к экспансионизму, но и сдерживает его, ибо, мелочно восстанавливая имперские завоевания старой России (вплоть до Порт-Артура, особых интересов в Маньчжурии и возрождения лозунгов о Босфоре и Дарданеллах), Сталин одновременно боится перейти старые российские границы и разрушить основ-

ные этнические пропорции государства, чего не побоялись бы в 20-е годы.

В государственном устройстве эта противоречивость проявляется в «несимметричности» положения России в СССР. Россия — единственная республика без своей столицы, партии и соответственно ЦК, Академии наук, художеств и т. д., ибо подразумевается, что общесоюзная столица, ЦК и т. д. — «в основном» русские и появление наряду с ними российских означало бы разрушение того молчаливого отождествления России и СССР, на котором базируется государство.

Таким образом, сталинское государство было «янусообразным» образованием, один лик которого — «русско-имперский», другой — «марксистско-интернационалистический». Для разных людей в разных ситуациях на первый план мог выступать то один, то другой лик. Для простого русского крестьянина, имеющего самые смутные представления о марксизме, это, конечно, прежде всего русское государство, но для человека, действительно преданного коммунистической идеологии, СССР продолжал быть первым плацдармом, отвоеванным у мирового капитализма, первым земным явлением грядущего всемирного тысячелетнего коммунистического царствия. Именно сочетание этих двух «ликов Януса», двух источников легитимации, источников лояльности и позволило Сталину создать величайшую в мировой истории империю, которая, если включать в нее периферийные вассальные государства (управлявшиеся в громадной мере из Москвы и реально обладавшие куда меньшей самостоятельностью, чем британские протектораты или американские штаты), простиралась не от Бреста до Владивостока, но от Берлина до Ханоя, от Эльбы до Меконга. Без этого второго, «интернационалистического» лика Януса, как просто русское государство такая империя была бы невозможна.

КРАЙНЯЯ, ОБОСТРЕННАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ сталинской идеологии, очевидно, была бы немыслима без сталинского террора и того особого психического состояния, в котором пребывала страна, прошедшая через немыслимые катаклизмы послереволюционной истории и затем через Великую Отечественную войну, состояния, позволявшего не видеть противоречия в том, что новый Иван Грозный одновременно — классик марксизма. Но сталинский террор кончился со смертью Сталина, ибо сам господствующий слой изнемогал от него и стремился к стабильности и гарантированности своего положения.

Конец сталинского террора и «разоблачение культа личности» означали «смягчение контуров» причудливой сталинской эклектики. Хрущев и Брежнев не претендовали на роль новых Иванов Грозных, как они не претендовали и на роль «классиков марксизма». И все же двойственность, «янусообразность» нашего государства, его сложившаяся при Сталине «схема» нигде не исчезли. Хотя Хрущев и Брежнев не претендуют на роль новых классиков, они все же верные ленинцы, наша партия — советский отряд международного коммунистического движения, строящий (хотя и все более «вяло») коммунизм. И одновременно СССР — это Великая Россия, и хотя крайности сталинского национализма смягчаются, русификация продолжается; сохраняется особое положение РСФСР; для внешнего мира по мере распада международного коммунистического движения мы еще больше, чем при Сталине, — русские.

Постепенная эрозия марксистской веры, медленное загнивание государства ведут к новым моментам в соотношении официальной идеологии и русского национализма. При Сталине не могло быть никакого

разномыслия, никаких особых идеологических течений и даже оттенков. В симбиозе официального марксизма и русского национализма не допускалось и мысли о каких-либо противоречиях между ними. Теперь постепенно национализм начинает оформляться в относительно самостоятельное идейное течение со своими органами печати (журналы «Молодая гвардия», «Наш современник» и «Москва»), своими духовными лидерами. Отношения между ним и официальной идеологией все более напоминают те «двусмысленные» и сложные отношения, которые существовали между официальной идеологией и национализмом в прошлом веке.

Как и в прошлом веке, основная опасность для режима исходила от западного «либерализма», и по мере упадка становящегося все более формальным официального марксизма для борьбы с западными влияниями режим, естественно, все более использует национализм. Отступивший при Хрущеве антисемитизм при Брежневев вновь становится в форме «антисионизма» одним из важнейших орудий нашего идеологического арсенала.

Националисты — союзники. Им единственным позволяют не только «отступления от марксизма», но и прямой антимарксизм. Позволяется поднимать на щит русских дореволюционных идеалистических философов — впервые положительно стали упоминаться и цитироваться К. Леонтьев и В. Розанов в «Молодой гвардии» в 1968 году. Какое-то время после ликвидации оппозиционного характера «Нового мира» националистический «Наш современник» стал единственным журналом, сохраняющим свое оригинальное идеологическое лицо.

Но эта поддержка была все же не полной. Правящие круги сохраняли определенную «симметрию», и на каждый удар по западникам-либералам приходится более мягкий, но все-таки тоже удар по «неославянофилам».

Дело в том, что опять-таки, как и до революции, но, очевидно, в еще большей степени, становящийся все более самостоятельным и смелым национализм опасен для государства, и в какой-то мере это осознается правящими кругами. Национализм принимает и защищает брежневское государство, поскольку оно — «переродившееся», поскольку, по сути дела, это Российская империя в новом виде. Но дело в том, что империей оно может быть лишь постольку, поскольку оно не переродилось «до конца», поскольку глубинная основа его легитимации все же — Октябрьская революция и марксистско-ленинская идеология. Разрушая эту основу, национализм, совершенно не желая этого, разрушает и саму империю. Его атаки на «дух двадцатых годов», на «еврейское засилье» в это время не могут не подрывать значения того основного «сакрального» события, которое положило начало государству, — Октябрьской революции. Его стремление опереться на русскую религиозно-философскую мысль подрывает марксизм и объективно ведет к той же «плюрализации», которой так страшится режим и проникновению которой с Запада он так упорно сопротивляется. Наконец, в самой своей защите государства, как государства русского, он «выбалтывает» ту тайну о тождестве СССР и России, о которой говорить нельзя, ибо само это тождество сохраняется лишь до тех пор, пока оно не явно, прикрито. Как и в прошлом веке, русский национализм ведет к росту национализма в нерусских областях империи (союзных республиках). Как и в прошлом веке, он один из симптомов и источников болезни, сила, подрывающая то самое государство, которое он хочет защитить и разрушение которого для него — самая невыносимая перспектива. Но в полную меру «самоубийственная» логика русского национализма раскрывается лишь в период перестройки.

НАЧАЛО НАШЕЙ «ПЕРЕСТРОЕЧНОЙ» РЕВОЛЮЦИИ связано с победой в правящих кругах либерально-«западнического» направления. Естественно, что в этой ситуации «антиперестроечные», реакционные силы в парт- и госаппарате начинают особенно усиленно прибегать к русскому национализму. Блокирование марксистского «фундаментализма» и русского национализма становится тем более тесным, что оба они оказываются в положении отступающих и обороняющихся. (Как сказал А. Проханов, «Российская компартия и национально-патриотическое движение нуждаются друг в друге».) Оно проявляется в тысяче причудливых форм — в разных патриотических листках, в текстах которых одновременно может защищаться Российская компартия и Ленин называться «кровавым вампиром», в любви Б. Гидаспова к православному монархисту Невзорову, а Невзорова — к приднестровским и литовским коммунистам и т. д., и т. п.

При этом в противовес сепаратизму республик, проявляющемуся все более смело и открыто и получившему поддержку демократического движения, блок коммунистических «фундаменталистов» и националистов все более начинает выдвигать претензии России. Россию изображают страной, не эксплуатирующей, как утверждают сепаратисты, другие республики, а эксплуатируемой ими. Вот, например, что пишет Ст. Куняев: «...Из 190 млрд. рублей прибыли, вырабатываемых за год Россией, она оставляет для себя чуть больше половины, каждая российская семья из трех человек теряет на этом 1500 рублей в год, а остальное идет на содержание союзной бюрократии и на помощь другим союзным республикам».

«Несимметричность» институтов РСФСР в СССР начинает изображаться как признак ущербного, неполноправного положения России и русских. Выдвигаются идеи Российской Академии наук, Российской Академии художеств и самое важное — Российской компартии и российского ЦК. («РКП поможет возродить русскую культуру, духовность, — пишет В. Козленков. — Пора русскому народу, наконец, воспрянуть духом, распрямить плечи...») Центр вяло пытается сопротивляться этим идеям, но сопротивляться им трудно, ибо формальные логика и справедливость на их стороне. Реально возражать против них — значит сказать, что России не нужны свои академия и партия, ибо союзные академия и партия и есть прежде всего российские, русские. Однако заявить так центр никак не может, ибо это значит признать правоту сепаратистов.

Но русские националисты идут еще дальше. На II Съезде народных депутатов СССР В. Распутин произносит знаменитую фразу о том, что перед лицом «руссофобии» и сепаратизма республик Россия сама может отделиться от Союза. Это совершенно логический вывод из lamentаций националистов по поводу ущербного положения России и русских. На самом же деле оратор этого, разумеется, не хочет. Это логический вывод, но это и «демагогия» и «оговорка», то, что случайно «вырвалось» у человека, издерганного и измученного противоречиями собственной позиции и невозможностью ясно и до конца выразить свои мысли и чувства. Это «фраза-ловушка», в которой русский национализм дал «поймать себя на слове».

Несомненно, стремясь к сохранению Союза, в котором они видели продолжение империи, великое русское государство, «правые» тем не менее подготовили всю аргументацию, необходимую для его развала, и практически лишили себя возможности этому развалу сопротивляться. Для тех, кто хотел покончить с Союзом, нужно было только перехватить у них их лозунги и аргументы и довести их логику до конца и до практических действий.

Аргументация правых националистов сразу же была подхвачена литовскими, эстонскими и прочими сепаратистами, которые стали также утверждать, что Союз прежде всего угнетает Россию и русским надо уезжать из Прибалтики, помогать восстанавливать опустошенное Черноземье. Но самое важное, что в конечном счете и решило судьбу Союза, эта аргументация и сама идея «отделения России» были подхвачены как раз теми, кто рассматривал националистов своим основным врагом, — российскими демократами.

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ на первых порах своего существования не имело специфически «антисоюзной направленности». Для участников движения той Родиной, которую они хотели сделать демократической, парламентарной страной, был все-таки прежде всего Союз. Планы его реорганизации, разумеется, включали большую самостоятельность республик и их право на отделение, но прежде всего подразумевали права не республик, а народов и особенно малых народов. Карабахское движение, направленное на изменение существующих границ Азербайджана и Армении, что предполагало не «суверенизацию» союзных республик и распад Союза, а сохранение приобретающих новое, демократическое содержание, но сильных союзных структур, вызывало в лагере демократов всеобщее сочувствие. Однако постепенно меняется ситуация и меняются идеологические акценты движения.

Первый успех движения — выборы народных депутатов СССР. Возникшая в результате этих выборов межрегиональная депутатская группа была, естественно, меньшинством, но ход выборов показал колоссальные потенциалы движения. По мере того как становилось ясным, что возврата назад не будет, и у людей исчезал страх, лагерь демократов становился все мощнее. Между тем впереди вырисовывалась перспектива выборов депутатов республик, в том числе и в РСФСР, которые должны были проходить по значительно более демократической процедуре, чем выборы на общесоюзный съезд. Демократический характер выборов и фактор времени, большей продвинутой революции процесса, должны были обеспечить демократам большой успех.

«Правые» идут на выборы под лозунгами укрепления суверенитета России и изображают демократов как антинациональную силу, которая будет стремиться ослабить Россию и даже разделить ее. В. Хмель, союзный депутат, говорила: «Убеждена, они так же попытаются заручиться голосами национальных депутатов, как это делала межрегиональная группа на первом, втором и третьем Съездах народных депутатов СССР, чтобы добиваться своих политических целей любой ценой, не останавливаясь перед нагнетанием националистических и сепаратистских настроений». Лозунг о суверенитете России — вроде бы естественный лозунг «правых». И лишь немногим из них, уже когда что-либо изменить было поздно, приходит в голову, что этот суверенитет может оказаться суверенитетом страны, которая управляется совсем не ими. (Э. Володин говорил: «Сейчас, когда расклад политических сил уже достаточно определен, не думаю, что будет правильным однозначно говорить о российском суверенитете, как бы его не использовали в раскольнических целях».) Между тем демократы, чувствуя, что выборы принесут резкое усиление их позиций, были совершенно не против лозунга о суверенитете.

В результате на Съезде народных депутатов РСФСР, где удельный вес «демократов» был, как и следовало ожидать, больше, чем на союзном съезде, и где им удалось провести своего лидера на пост Предсе-

дателя Верховного Совета, лозунг суверенитета России стал всеобщим. В стремлении к суверенитету и во всем наборе аргументов (Россия — неполноправна, эксплуатируема и т. д.) едины и Ельцин, и Полозков, и Власов. Демократы перехватили лозунг о суверенитете, а правые не смогли преодолеть собственной инерции и попались в ловушку.

Победа на российском уровне означала, что противостояние «демократов» консерваторам и умеренным приняло форму противостояния России и центра. Перед демократами была дилемма — или, руководствуясь союзной Конституцией и во имя сохранения Союза, ждать следующих выборов народных депутатов СССР, чтобы тогда прийти к реальной власти, или брать эту власть «революционным» путем, вырывая ее у союзных структур и вступая в разрушающую Союз «войну законов». Поскольку очевидным было, что в этой войне их союзниками окажутся мощнейшие силы и сепаратизма в различных республиках, и русского национализма, продолжающего свое инерционное нагнетание жалоб на неполноправие России, второй путь был более коротким и более удобным. Слово «Россия» не сходит теперь с демократических уст, и правые могли в ужасе и изумлении видеть и слышать, как люди, которые вроде бы «по определению» должны быть далеки от русского национализма, вроде Ильи Заславского, используют их язык, призывая союзных депутатов вспомнить, на чьей земле они заседают (на русской земле). Идея «суверенитета России» стала обладать такой же магической силой, как идея «демократии». Это как бы самоочевидная ценность, отрицать которую категорически невозможно. И хотя несомненно, что подавляющая масса русских была за сохранение союзного государства (даже те, кто, идя за демократами, голосовал на общесоюзном референдуме «против», лишь выражали этим протест против политики центра), массовое сознание одновременно совершенно не способно противостоять лозунгам российской самостоятельности (например, опрос в сентябре 1990 года показал, что за право органов Союза отменять решения России было лишь 23 процента опрошенных, против — 52,5 процента) и одновременно с «да» Союзу большинство русских говорит «да» и институту российского президентства, разрушающему Союз, а затем и кандидату в президенты, бывшему главным выразителем идей российского суверенитета. Ничего не могут поделать и правые, ибо вся их аргументация и все их лозунги у них отняты, ибо русский патриот «по определению» не может быть против российского суверенитета. Разрушение союзных структур, то есть того самого государства, которое они стремились сохранить и укрепить, идет под их лозунгами. И идет неостановимо, поскольку если бы центр имел дело лишь с сепаратизмом республик, он еще мог бы «держаться», но противостоять и республикам, и России он не в силах. И как это бывает очень часто, попытка задержать распад (августовский «путч») приводит к еще большему усилению и фактическому завершению этого процесса. После августа СССР как великое государство, в котором доминирует русский народ, кончил свое существование.

ОПЫТ ИСТОРИИ И ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ в нашей стране свидетельствуют о том, что идея великого русского государства является идеологической «мышеловкой», в которую угодило националистическое сознание. Еще до революции 1917 года она была одной из сил, подтачивающих само это великое русское государство, которое было восстановлено лишь потому, что большевики полностью, категорически от нее отказались. Теперь в 1991 году ее «самоубийственная» логика оведена практически до конца. Империи уже нет, и РСФСР, очевидно,

суждено занять место среди далеко не самых важных и сильных стран современного мира. Националисты попались в ловушку, устроенную их собственными руками. Но вряд ли это конец «приключений» идеи великого русского государства. Сейчас все больше оснований полагать, что эта идея, ставшая ловушкой для «правых», станет ловушкой и для пришедших к власти демократических сил.

Лозунг борьбы с Союзом за российскую самостоятельность для демократов был очень выгоден, и фактически именно этот лозунг привел их к власти. Но лозунг этот отнюдь не тождествен лозунгу демократии, как и борьба за разрушение союзных структур, которой отдались российские демократы в 1990—1991 годах, отнюдь не тождественна борьбе за демократию. Выдвижение на первый план этого лозунга — один из аспектов общего процесса закономерной трансформации демократического движения на его пути к власти. Начавшись как движение идеалистически настроенных интеллигентов, оно быстро становится массовым, пополнившись людьми, принявшими идею демократии достаточно поверхностно или вообще привлеченными к нему по каким-то совсем другим мотивам (раздражением против старого режима и старой идеологии, отнюдь не тождественным стремлением к демократии, надеждой на потребление изобильных плодов рыночных реформ, стремлением выдвинуться и урвать что-нибудь для себя в ходе всеобщей ломки). Постепенно это движение стало окрашиваться и националистическими чувствами.

Также эволюционирует и его руководство. «Любители» в нем отходят на задний план, уступая место профессионалам, или сами становятся профессионалами. И естественно, что подход к политике профессионала и «любителя» — совершенно разный. Профессионал, у которого нет основной сферы деятельности, куда он может уйти, статус которого полностью определяется его политической ролью, победой его движения, не может позволить себе «чрезмерных» идеализма и принципиальности. У него больше искуса завоевывать всенародную любовь популистскими лозунгами, и он скорее может стать заложником националистических настроений, овладевающих массами в период великой смуты в распадающемся государстве.

Поэтому идеология и политика движения, становящегося массовым и руководимым все более «профессионализирующейся» элитой, естественно, приобретает новые черты. Эта эволюция с предельной ясностью характеризуется обликами двух людей, воплощавших это движение (один — на раннем, другой — на позднем этапе эволюции), академика А. Сахарова и «неужившегося» в Политбюро и ставшего демократом Б. Ельцина. Выдвижение в ходе борьбы за власть идей-«средств» (как идея российского суверенитета) и постепенная подмена ими идей-«целей» (как идея демократии) — естественный идеологический аспект этого общего процесса.

Когда после провала августовского «путча» российские демократы лишились как противовеса в лице союзных структур, так и оппозиции в лице КПСС, став практически полностью господствующей в обществе силой, эта эволюция, опять-таки естественно, пошла семимильными шагами (как семимильными шагами шла эволюция большевиков после их прихода к власти). Это проявляется в самых разных формах.

Отказ от коммунистической и марксистской символики все более сопровождается принятием символики православно-монархической, вплоть до разрекламированного предложения Ельцину принять титул великого князя. (Интересно, что здесь как бы продолжается и завершается — вольно или невольно — работа, начатая Сталиным.) Придя к власти под лозунгами парламентаризма и власти Советов, новые лидеры

стали ограничивать власть представительных органов под предлогом необходимости временных мер, связанных с их неэффективностью и с экстремальными условиями (такие ограничения всегда возникают как «временные меры»). Эпоха, когда автономиям было сказано: «Берите столько самостоятельности, сколько сумеете обеспечить», — быстро отошла в далекое прошлое, и сейчас лозунгом новой власти стала «Россия единая и неделимая». Причем эта «единая и неделимая» Россия начинает вести себя как супердержава бывшего Союза, претендуя быть чуть ли не единственной его правопреемницей и пугая соседей поддержкой движений русских национальных меньшинств, созданием российской армии и переделом границ. Перспектива, что демократия в нашей «перестроечной» революции, как и в первой нашей революции, и вообще почти во всех революциях, станет промежуточком между двумя авторитаризмами — авторитаризмом «старого режима» и новым, революционным, — вырисовывается все более отчетливо. При этом националистические, русско-имперские силы будут выходить на поверхность с еще большей стремительностью, ибо не сдерживаются теперь ни многонациональным характером государства, ни официальным марксистским интернационализмом.

Демократы, в стремлении как можно скорее прийти к власти, «перехватили» у «правых» идею российского суверенитета. Использование этой идеи было, несомненно, тактическим приемом. Но идеи обладают самостоятельной силой и логикой, это «опасные игрушки». И особенно опасна для только зарождавшейся русской демократии была игра с идеей «Великой России». Ибо Союз был не только источником национального угнетения, он был и государством, позволявшим жить вместе сотням народов и не допускавшим по самой своей сути крайностей национализма. И «союзные структуры» были не только оплотом авторитаризма, но и создавали столь необходимую для демократии «вторую власть», препятствующую возникновению режимов фашистского толка в отдельных республиках.

Процесс постепенной демократизации Союза в целом, установления в нем новых отношений между народами и приобретения все большей самостоятельности республиками лишь по мере того, как они становятся действительно демократическими государствами, по мере устранения опасности, что, став самостоятельными, они установят диктаторские режимы, будут угнетать свои нацменьшинства и бороться друг с другом за передел границ, был бы, разумеется, более длительным путем прихода демократов к власти. Но это был бы более короткий путь для становления реальной и прочной демократии на всем нашем взаимосвязанном евразийском пространстве. Демократы предпочли более легкий путь, сулящий быстрый приход к власти. И очень похоже, что они попались в ловушку, что суверенная Россия не только не будет великой страной, но и будет страной, в которой, во всяком случае, в ближайшей перспективе, для демократов может места и не оказаться.

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ» ИДЕИ суверенной и Великой России, разумеется, еще не кончились. Впереди еще будет много всякого. Но мне думается, что основная дилемма, которая стоит перед нами сейчас и в новых формах будет возрождаться в будущем, относительно ясна.

Русские объективно оказались в очень своеобразной и странной ситуации. Они были центром, основной силой в великом объединении народов. Но положение их государства как великого государства, их нации как великой нации требовало определенных жертв — прежде всего жертвы узконациональным характером государства. Великая Рос-

сия могла быть действительно великой, поскольку в ней нет преимушества для русских, поскольку она не националистическое, а интернационалистическое образование. История как бы поставила народ в ситуацию, когда за скромность и бескорыстие он награждается мощью государства, как он был вознагражден за них во время революции, когда единственная из великих средневековых империй была воссоздана именно потому, что ее создатели этого категорически не хотели и народ поверил им, проникся интернационалистическими идеями. И, наоборот, возрождение при Сталине и Брежневе национализма, впоследствии использованного демократами, привело в конечном счете к разрушению этого государства. Русские объективно находятся в ситуации, когда национализм наказывается «уменьшением» России.

Но точка еще не поставлена. Если все будет продолжаться так, как идет сейчас, то Россия, ссорящаяся со своими соседями, вынужденная принимать потоки беженцев, борющаяся внутри себя с татарским, тувинским, чеченским и еще бог знает каким национализмом и сепаратизмом, быстро превратится в страну, по международному весу, да и уровню развития занимающую место в лучшем случае рядом с развитыми странами третьего мира. Но если (что, прямо скажем, менее вероятно, чем первая перспектива) она осознает, что ее интересы абсолютно неотделимы от интересов соседей, что народы автономий имеют ровно столько прав на самостоятельность, сколько и русский, что мирное решение проблем русских в бывших союзных республиках фактически возможно лишь в рамках Союза с общими правилами о гражданстве и общим законодательством о правах меньшинств, что экономическое бескорыстие в нашей специфической ситуации может принести куда большую пользу, чем те ничтожные выгоды, которые могут дать меры типа российских таможен, то великая евразийская общность, которая до сих пор обладает колоссальной ценностью и значительными силами притяжения, уничтожение которой — величайшая трагедия для миллионов и миллионов людей и больше, чем для кого-либо — для русских, может быть восстановлена в какой-то новой форме, как союз действительно равноправных и демократических народов.

Но для того, чтобы другие народы не боялись такого союза, Россия должна стать подлинно демократической, полностью отрешиться от всех своих великодержавных претензий, научиться разговаривать не языком диктата, а на равных со всеми народами. И только в этом случае, если Россия не будет манипулировать этой общностью в стремлении занять в ней особое, главенствующее положение, она будет действительно Великой.
